

В. В. ГУРА

Д. В. Засодимский

из Библиотеки
семьи Гурь —

П. В. ЗАСОДИМСКИЙ

ХРОНИКА
СЕЛА СМУРИНА

РОМАН

ОБЛАСТНАЯ КНИЖНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОЛОГДА — 1956

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

83.3(2=411.2)1-8
Г95

*Вступительная статья, подготовка текста и примечания
В. В. Гура.*

П. В. ЗАСОДИМСКИЙ И ЕГО «ХРОНИКА СЕЛА СМУРИНА»

Среди писателей 70—80-х годов, посвятивших свое творчество изображению народной жизни, Павлу Владимировичу Засодимскому по праву принадлежит одно из почетных мест. «...Все мои горячие симпатии, — писал он, — всегда были и остались на стороне бедных, обездоленных, на стороне рабочих масс. Ни в одной строке, написанной мною, читатель не найдет ни единого выражения, которое противоречило бы этой основной идее моей жизни и деятельности».

Жить и работать Засодимскому приходилось в исключительно тяжелых условиях. Слишком часто переживал он «черные дни», нужда гнала его «по градам и весям» нищей России. Даже в состоянии крайнего утомления приходилось писателю спешно завершать начатые романы и повести, рассказы и очерки, рецензии и обзоры и приносить их в редакции журналов с тяжким чувством неудовлетворения. «Плодом... безмолвной, скрытой, гягостной драмы» было для Засодимского почти каждое его произведение.

Но не всегда нужда душила мысли и чувства писателя, не всегда «черные дни» угнетали его, и тогда он оттачивал свои произведения и достигал высокой степени мастерства. Так родился его первый рассказ для детей, жизнеутверждающий «Заговор югов», чудесная «Восточная сказка», безукоризненный по форме очерк «Веретьев», талантливые рассказы «Однажды вечером», «Перед потухшим камельком» и другие. Засодимского как писателя ценили не только Левитов, Глеб Успенский и многие близкие ему литераторы. «Мне всегда нравится то, что вы пишете, и юльшей частью то, что не нравится либералам...», — писал Засодимскому взыскательный художник Лев Толстой.

Высокую оценку Л. Толстого справедливо заслужили повести Засодимского «Черные вороны» и «Весь век для других». «Поледняя особо хороша», — считал Л. Толстой. Рассказ Засодимского «Перед потухшим камельком» вызвал восхищение великого писателя. «Я получил Ваш рассказ, — писал он автору, — тотчас же прочел про себя и другой раз своим домашним, так

он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. Вы спрашиваете о слабых сторонах. Слабого нет, всё сильно... Рассказ очень, очень хороший и по форме, и по содержанию...».

В творчестве Засодимского был период, когда его произведение приковывало самое широкое внимание читателей и, по словам современников, «еще более возбуждало их в стремлении посвятить свои силы «делу народа», оказывало на них не меньшее воздействие, чем книги других писателей-современников. Произведение это — роман «Хроника села Смурина». Всем его направлением читатель 70-х годов «призвался к борьбе», а царское правительство наказывало за распространение «Хроники» «таким же заключением в тюрьме, как за распространение революционных брошюр и прокламаций». Это было время наибольшей известности Засодимского, наибольшего влияния его на читателей.

Как писатель, Засодимский не обладал большим художественным дарованием, но всё, что он имел, сполна отдавалось литературе. До конца своей жизни автор «Хроники села Смурина» оставался писателем-реалистом, поборником правды. Он черпал материал для своих книг из русской действительности, всегда ставил перед читателем «проклятые» вопросы, выдвинутые общественной жизнью. «Яркость колорита не далась ему, — писал о Засодимском критик М. Цебрикова, — окраска образов его переходит иногда в серые тоны гравюры или рисунка карандашом но и в этих серых тонах видна жизненная правда».

Трезвая правда жизни, от которой никогда не отступал писатель, протест его против социальной несправедливости, непримиримая вражда к эксплуатации и наживе, поиски путей к лучшему будущему, — всё это выгодно отличает Засодимского от иных писателей-народников, делает его произведения значительными и для современного читателя.

1.

Весной 1874 года в редакции журнала «Отечественные записки» появился молодой человек и столь же молодой писатель. За его плечами еще не было никакого «творческого пути», кроме нескольких повестей, опубликованных в журнале «Дело», но зато он уже обладал большим жизненным опытом. Это был Засодимский. Он принес Н. А. Некрасову рукопись своего первого романа, который вскоре был принят к печати и по совету М. Е. Салтыкова-Щедрина назван — «Хроника села Смурина».

«Хроника» Засодимского вышла в свет под псевдонимом, которым писатель «впоследствии часто пользовался», — Вологдин.

Псевдониму суждено было стать вторым именем автора, лиц

ний раз подчеркивавшим его связь с вологодской стороной, где он «с малых лет жил среди народа, узнал его и полюбил».

Родился Засодимский 1 ноября 1843 года в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Из Устюга родители перевезли мальчика в Никольск. В этом небольшом уездном городке и прошло детство писателя. «Никольск в ту пору, — вспоминает Засодимский, — был маленький, глухой городок, затерявшийся посреди лесов, — одним словом, такой милый городок, до которого, по словам Гоголя, «хоть три года скачи, — не доскачешь». При мне, помню, с улыбкой говаривали: «Дальше нашего Никольска и почта не ходит!».

Дом Засодимских смотрел прямо на мрачное здание острога. Голодные, исхудалые, с полубритыми головами арестанты в однообразно-серой одежде часто проходили по пыльной улице мимо их дома. Мальчик Засодимский нередко выпрашивал у матери гроши и, заслышав на Соборной площади звяканье цепей, бежал встречать «колодников». Он наивно уже тогда решил про себя, что, став взрослым, непременно выпустит на волю всех этих несчастных людей.

Перед самым окном детской комнаты протекала быстрая река Юг. Оттуда доносился стук топоров, голоса поденщиков, выполнявших тяжелые работы. Нередко целые дни проводил Засодимский на реке вместе со своими друзьями, деревенскими ребятами.

С детства перед глазами пытливого мальчика проходили безрадостные дни каторжников и поистине каторжный в то время труд лесогонов, сплавщиков. Впоследствии эти впечатления наложили отпечаток и на произведения писателя, рано познавшего «отвращение к злу, насилию и сострадание к несчастью, никогда не устававшего говорить о торжестве правды и справедливости, высказывать самые горячие симпатии к трудолюбивому одаренному русскому народу.

С малых лет Засодимский так увлекся чтением, что иногда целыми днями просиживал в отцовской библиотеке. Читал он много, без разбора, всё, что попадалось под руку. Больше других полюбился ему Пушкин. «Капитанской дочкой», «Повестями Белкина» он зачитывался, а многие стихотворения великого поэта остались в памяти на всю жизнь.

Сильно развитое детское воображение, питавшееся впечатлениями тяжелой жизни народа, рано заставило его обратиться к творчеству. Он начинает писать повесть, в которой обличает людское жестокосердие. В одиннадцать лет Засодимский — автор пьесы и постановщик домашнего спектакля. Пьеса была разыграна при живом участии его юных друзей.

«...Когда мне минуло девять лет, — рассказывает писатель, — в нашей семейной жизни произошли большие перемены. Отец мой оставил службу и с матерью, со всеми чадами и домочадцами, со всем скарбом переселился из Никольска в усадьбу».

Небольшая усадьба матери писателя — Миролюбово находилась на «большой» Архангельской дороге, в 400 верстах от Никольска. Мимо усадьбы по многолюдному тракту шли на север усталые, изможденные ссыльные, медленно передвигались закованные в цепи каторжники; собирая подаяние, тащились нищие, калеки, слепцы, юродивые; проходили в поисках поденной работы крестьяне, в конце разоренные недородами. Изредка в нарядном экипаже проезжал важный барин или спешил на ярмарку подгулявший купчик, покрикивая на прохожих.

«И весь этот люд, — пишет Засодимский в одном из своих рассказов, — проходивший мимо меня по «большой дороге», странный и жалкий люд, едва прикрытый грязными, рваными лохмотьями, с босыми, до крови наколотыми ногами, — не однажды заставлял меня в детстве горько плакать».

Засодимский и раньше проводил в Миролюбове лето, а теперь с этим «родным уголком» стала связана вся его жизнь. То пропадал он на гумне, то в лесу, то на скотном дворе, а зимние вечера проходили в чтении книг, купленных у коробейника. Постоянным спутником, лучшим товарищем его детства был сын купца, умный рассудительный мальчик Сашка Родионов.

Когда Засодимскому исполнилось двенадцать лет, на семейном совете решили, что пора отдавать мальчика в учение. Как не хотелось матери отрывать сына от семьи, но ей же и пришлось везти его через всю губернию в Вологду. В феврале 1856 года Засодимский был зачислен в дворянский пансион при Вологодской гимназии.

Огромное здание гимназии смотрело массивными колоннами на серый и унылый «плац-парад», мощный булыжником и поросший травой. Целыми днями здесь муштровали солдат местного батальона. С полной выкладкой маршировали они по площади. По вечерам при тусклом свете фонарей разводили караулы, а из просторных окон губернаторского дома лился мягкий свет и доносились звуки мазурки.

Мало чем отличалась от солдатской муштры и казарменной обстановки жизнь в стенах Вологодской гимназии. «В этих стенах, — вспоминал Засодимский, — прошли семь лет моей жизни, — семь лет из того возраста, когда все впечатления бывают так живы и ярки, и понятно, что незатейливая полуказарменная обстановка пансионской залы, как топором зарубленная, глубоко врезалась в моей памяти. Много было пережито в этих стенах... Здесь я узнал и горе новичка, тоску по родном доме, по деревенской свободе, и блаженные минуты горячих признаний в дружбе и в братской любви, и радость по случаю удачно сданных экзаменов и близких каникул, и темные страхи перед единицами и двойками, и дух захватывающие опасения угрожающих наказаний...».

Юношу угнетали жестокие и грубые нравы, царившие в пансионе, мучительные дни без обеда, стояние у стены, карцеры и

розги, которыми жестоко наказывали гимназистов. «Гувернеры, как говорится, походя расточали направо и налево увесистые подзатыльники и драли за уши, — с горечью рассказывает Засодимский. — Немец-гувернер однажды в пылу раздражения увлекся до того, что даже надорвал ухо воспитаннику. Инспектор наказывал розгами, невзирая на возраст...

Не проходило недели, чтобы несколько человек не осталось без обеда, без завтрака или без чая; не проходило дня без того, чтобы несколько человек не постояло у стены или на коленях; не бывало такой субботы в течение учебного времени, чтобы не высекали человек 10—15. Одним словом, не бывало такого дня, чтобы кто-нибудь из «маленьких» горько не плакал от истязаний начальства или от побоев своих же товарищей». А зимой на льду реки Вологды, у Красного моста устраивались кровавые побоища между семинаристами и гимназистами, стеной на стену ходили они.

Светлые воспоминания сохранил Засодимский о преподавателе русской словесности Н. П. Левицком. Под его руководством гимназисты читали статьи Белинского, изучали Пушкина, Гоголя, Лермонтова, зачитывались Некрасовым, Гончаровым, «Губернскими очерками» Щедрина и в особенности романами Тургенева. «Его Лаврецкий, Рудин, Базаров захватывали за живое и кружили головы», — вспоминает Засодимский. С первых же классов гимназии юноша увлекся сочинениями Герцена, его статьями «Социализм и Россия», «С того берега», воспоминаниями «Былое и думы». В руках юного гимназиста побывали даже отдельные номера «Колокола». «Позже, наряду с Герценом, — рассказывает в автобиографии Засодимский, — сильное влияние оказали на мое умственное развитие и на склад моих убеждений Чернышевский и Добролюбов».

К гимназическим годам относится еще одна попытка обратиться к литературному творчеству. Засодимский начал сочинять повесть... из испанской жизни. Герой ее устраивает заговор против инквизиции. Заговор кончается печально: заговорщиков сжигают на костре, а их возлюбленные уходят в монастырь. Дописать эту «печальную повесть» юноше так и не пришлось, слышное ограничение он был в своих знаниях и опыте.

В июне 1863 года Засодимский окончил гимназию и с радостью покинул «тесный, замкнутый мирок» пансиона. Несмотря на давнее желание отца видеть своего сына чиновником, Засодимский твердо решает поступить в Петербургский университет.

В самом начале сентября был нанят крытый неуклюжий тарантас. Миновав городскую заставу, он едва тащился по непролазным вологодским дорогам под однотонный звон развязанного ямщиком колокольчика. Моросил дождь, сгущались сумерки, когда продрогшие путники остановились перед тускло освещенным подъездом грязовецкой гостиницы. На другой день Засодимский был уже за пределами своей родной губернии. Но куда бы

ни бросала его судьба, никогда не забывал он «покинутый родной дом, знакомые поля, леса, серые убогие деревушки» вологодской стороны. «Со своими дремучими беспросветными лесами и трущобами, — писал Засодимский, — она представляется для меня самым лучшим краем на белом свете».

2.

Всем своим творчеством Засодимский был прочно связан с вологодской «лесной стороной». Лирические, окрашенные чувством большой любви автора к своей великой родине, картины северной природы щедро насыщали его произведения, описания непроходимых богатых лесов северной стороны придавали его романам и повестям своеобразный и яркий колорит. «Большую часть года, — пишет Засодимский в деревенской летописи «Пропал человек» (1883), — лес стоит темен и мрачен, то гудит и стонет, то стоит молчаливо нахмурившись». В записках «Из жизни лесной стороны» (1883) писатель опять рисует глухую северную сторону: «Сосновые и еловые леса всю ее прикрыли своей дремучей тенью и, как живую, зеленою стеной, отделили ее от городов, — не хуже каких-нибудь гор высоких или песков сыпучих. Поля у нас небольшие: растут на них только рожь и ячмень, да и то плохо. Мы уж давно бы все померли с холоду, да с голоду, если бы не лес. Он, кормилец, питает нас, поит, одевает».

Уже будучи известным писателем, Засодимский не только не порвал связей с родным краем, но и продолжал черпать здесь богатый и разнообразный материал для своего творчества, обогащал свои детские и юношеские впечатления теми переживаниями, которые происходили в жизни. «Искрещивая Вологодскую губернию, — пишет Засодимский в статье «Лесное царство» (1878), — еду по уездам: Кадниковскому, Тотемскому, Никольскому, Устюгскому, путник на каждом шагу живо чувствует и сознает, что кругом него настоящая коренная Русь... Он слышит русский говор, несколько тягучий и сильно упирающийся на «о»... Он видит лица русского типа; он видит избы с разукрашенными оконцами; видит и бедные, классические «курные хатки», уже без всяких прикрас — и все на одну статью. Он видит, наконец, обычный ход полевых работ...; мужик, слегка наклонившись, широко размахивает своею длинною косой, или баба жнет, согнувшись в три погибели».

Всякий раз, бывая на Вологодчине, писатель находил здесь большие перемены, воочию убеждался, что всё хуже становится жить крестьянину. Нищета и запустение властно вторгаются в деревню, строятся и процветают кабаки и питейные лавки, кулак душит крестьян, его цепкие костлявые пальцы хватают деревенскую бедноту за самое горло.

Весной 1888 года, после долгого отсутствия, писатель вновь

побывал в родных никольских краях. «Много перемен я нашел в деревне... — писал он в «Истории одной уставной грамоты». — Деревня показалась мне такой жалкой, такой убогой, какой я никогда еще не видел ее. Я увидел покривившиеся избы с подслеповатыми оконцами, бревенчатые стены, почерневшие от недавнего дождя, серые полусгнившие соломенные крыши, поразметанные ветрами, грязную улицу... У некоторых изб двери и окна были наглухо заколочены досками».

Засодимскому так и не удалось закончить юридический факультет Петербургского университета, куда он поступил в 1863 году после окончания Вологодской гимназии. Во время первых же летних вакансий он понял, что родные не в состоянии помогать ему. Учебу в 1865 году пришлось оставить и взять место домашнего учителя в Саранском уезде Пензенской губернии. Начинались скитания, во время которых Засодимский не только многое увидел своими глазами, но и сам испытал. В странствованиях прошла вся жизнь писателя. Он бывал в деревнях Петербургской и Воронежской, Новгородской и Тамбовской, Тверской и Уфимской, Вологодской и Пензенской губерний. Приходилось жить и в курной хате, и есть «лебедовый» хлеб, и ночевать где-нибудь в овине или в землянке на берегу Волги, и сживать с крестьянами в лесу у разведенного костра.

Засодимский не «ходил в народ». Общение с ним было естественной потребностью писателя. Оно обогащало его творчество, раздвигало рамки его произведений. В конце своей жизни писатель по праву мог сказать, что он не только вырос в деревне, но и не порывал с ней связей никогда: «Безошибочно можно положить, что половину моей жизни я провел в деревне, среди народа».

Засодимский знал и любил деревню, радовался встречам с одаренными простыми людьми. В крестьянской среде он находил яркие характеры, служившие прототипами героев его книг.

Современники характеризуют Засодимского как человека высокой нравственной чистоты, искреннего, задушевного, общительного. Он был знаком со многими писателями своего времени — Некрасовым и Щедриным, Минаевым и Курочкиным, Плещеевым и Гаршиным. Литературные связи его постоянно ширились. В самом начале творческого пути Засодимский познакомился с Шелгуновым, затем сблизился с Глебом Успенским. Дружеские отношения связывали его с Левитовым, Эртедем, Омудевским, но эти отношения не мешали писателю надолго покидать своих друзей, оставлять литературную среду, жить и работать вдали от Петербурга, чаще всего в родных краях.

В Кадниковском уезде, на живописном холме, у самого берега реки Двиницы расположилась небольшая усадьба Горка, принадлежавшая родственнице писателя — Е. П. Даниловой. В рябиновой аллее, там, где она расширялась, стояли рабочий стол Засодимского и простая деревянная скамья. На зиму писатель

перебирался в пустовавший флигель горкинского дома. Здесь ему приходилось жить и по своей воле, а в последний раз, как ссыльному, под гласным надзором полиции.

«Горка мне очень памятна, — писал Засодимский, — и самые воспоминания о ней для меня дороги и милы. Я знал ее с малых лет, там каждый куст, каждая тропинка мне знакомы... Я жил на Горке и мальчиком, и юношей-гимназистом, и студентом, здесь же я провел первое лето в деревне с молодой женой. И под старость сюда же, под тень старых лип, я скрывался на лето для отдыха от суеты и тревожений петербургской зимы.

Я любил этот тихий, уютный уголок... Здесь, в тиши и на свободе написаны мною: «Степные тайны», «По градам и вёсям», «Семейство Подошвиных», «Пропал человек», «Грех», «Из жизни лесной стороны», «Лесное царство», воспоминания из детских лет и целый ряд рассказов для детей. Здесь, на Горке, я отдыхал и, набравшись сил, здесь же много, усиленно работал».

Наступала осень 1892 года, ночи стали темные, уныло завывал ветер. Разрешения на жительство в Петербурге всё еще не было. Лишь в середине октября становой привез долгожданную «бумагу», позволявшую выехать в столицу. Распрощавшись с Горкой, на тройке «рыжих» Засодимский уехал в Кадников, затем в Вологду и Петербург. Это была последняя осень, проведенная писателем на родине.

3.

Летом 1867 года в Болгарии вспыхнуло народное восстание против турецкого ига. В русских газетах появились многочисленные корреспонденции о кровавых истязаниях турками жителей мирной славянской страны. «До глубины души волновали меня корреспонденции из Болгарии, — вспоминает Засодимский, — страшные, кровавые сцены мерещились мне, не давали покоя. Меня возмущало безучастие, равнодушие цивилизованных народов в виду совершившихся злодейств».

Засодимский был потрясен несчастьями болгарского народа. Как и другие передовые представители русской общественности того времени, он не мог молчать. 20 июля 1867 года в газете «Голос» без подписи было опубликовано «Воззвание в пользу болгар». Это было первое печатное произведение Засодимского. С негодованием писал он о безучастном равнодушии Европы в то время, когда кровь болгарского народа льется ручьями. «Не равносильно ли такое молчание преступному одобрению действий турецкого правительства? — гневно спрашивал автор «Воззвания». — Или, может быть, Европа столь наивна, что верит обещаниям Абдул-Азиса умиротворить своих подданных?.. Можно ли ожидать от Турции исполнения подобных хороших обещаний?..».

Совсем еще молодой автор «Воззвания в пользу болгар» горячо призывал европейское общественное мнение заявить протест турецкому правительству, с юношеской наивностью полагая тогда, что можно добиться бескровного освобождения болгарского народа.

Голос молодого писателя был услышан в Болгарии. Через десять лет, когда ее освобождение было куплено дорогой ценой — десятками тысяч жизней героических сынов русского и болгарского народа, имя Засодимского стало популярно в этой полюбившейся ему славянской стране. Его произведения переводились на болгарский язык, издавались отдельными книгами и сборниками, печатались в газетах. Однажды писателю даже предлагали переселиться в Болгарию. «Хотя эта крестьянская страна мне симпатична, но я отказался оставить Россию, — писал Засодимский, — я родился на русской земле, жил и страдал с русским народом, с ним и останусь до конца».

Первую свою повесть «Грешница» Засодимский написал быстро, с увлечением и, закончив ее в 1867 году, отнес в редакцию журнала «Дело». Этим же летом он начал писать стихи. Появились они вскоре в «Иллюстрированной газете» за подписями «Горацио» и «Скиф-эпикуреец». Средств к существованию молодой литератор попрежнему не имел, за стихи ему, как начинающему автору, не платили, публикация повести в журнале «Дело» затягивалась, — пришлось снова давать уроки и опять — за гроши.

В начале апреля 1868 года Засодимский приехал в Вологду. Он уже был постоянным сотрудником журнала «Дело», автором повести «Грешница». Жизнь в Вологде — наиболее плодотворный период в раннем творчестве писателя: здесь он завершил повесть «Волчиха», задумал и отчасти написал третью повесть — «Темные силы». Отсюда он посылал свои рассказы и статьи в «Дело». Здесь же он сблизился с находившимся в ссылке революционным демократом Н. В. Шелгуновым, которому и посвятил впоследствии повесть «Темные силы».

Встречи Шелгунова и Засодимского были особенно часты в перерывы между работой. В эти дни завязывались долгие оживленные беседы о положении крестьян, о задачах литературы. «То Шелгунов, бывало, взбирался ко мне на антресоли, — вспоминает Засодимский, — то я отправлялся к нему «за реку»... Помимо сотрудничества в одном журнале и сходства в наших воззрениях, к Шелгунову меня привлекали и его симпатичная личность и тот ореол, которым для меня была окружена вообще его деятельность как бывшего сотрудника «Русского слова» и друга М. И. Михайлова».

Если статьи Герцена, Чернышевского и Добролюбова оказали сильнейшее влияние на формировавшееся в гимназические годы мировоззрение Засодимского, то Шелгунов, как продолжатель дела революционных демократов, закрепил эти убеждения молодого, только еще вступающего в литературу писателя.

Сильное влияние Чернышевского и Добролюбова, а затем и Шелгунова несомненно сказалось на творчестве Засодимского, всегда остававшегося верным тем идеям освобождения народа, за которые боролись лучшие люди шестидесятих годов.

Подобно Глебу Успенскому, автору знаменитых «Нравов Растеряевой улицы», Засодимский начал свой творческий путь изображением нудной жизни мещан, мелких чиновников. Заглянув в лачуги Болотинска и Мутноводска, он увидел там дикость нравов, пьяный разгул, провинциальное мещанское прозябание.

Героиня повести «Грешница» Маша томится в мещанской среде, всей своей чистой душой рвется к правде. Но не суждено ей добиться счастья, лучшие ее надежды были обмануты. Маша погибла в омуте жизни, как и героиня рассказа «А ей весело, — она смеется». Погибли они потому, что «в этом омуте щепки и тина плавают по верху, а золотой слиток и алмаз идут ко дну», погибли потому, что в омуте мещанской жизни «высокое, благородное, чистое часто осмеивается, зовется безумием», а «низкое, грязное и подлое величается достоинством, умом».

Мещанскую жизнь Засодимский рисует во всем ее неприглядном мраке, со всем ее невежеством. Повесть «Темные силы» — это хроника семьи мещанина Никиты Долгого. В однообразной и томительно долгой его жизни нет светлых дней; они проходят в беспробудном пьянстве и истязаниях жены Катерины Степановны, рано надорвавшей свои силы. Горька жизнь их дочери Насти, выданной насильно за нелюбимого мужа; невыносимо существование ее братьев Алексея и Степана; отданных «на обучение» лавочнику и сапожнику; в смрадной обстановке озверения и нищеты страдает их младший брат Андрюша, мальчик чуткий и сердечный.

Звериные инстинкты и нравы царят не только в семье Никиты, они засасывают обывателей всего Болотинска, губят их человеческие качества, лишают их возможности думать об иной, счастливой и свободной жизни. Мещанское болото, стоячие, грязные, смрадные лужи заливают не только улицы Болотинска, они засасывают его обывателей. «Добродушные болотинские обыватели, — с иронией замечает Засодимский, — держались того убеждения, что солнце сгонит снег и высушит грязь без всякой человеческой помощи».

Ранние повести Засодимского чаще всего кончаются трагической гибелью их героев, но всем содержанием своих произведений писатель протестует против темных сил, оправдывающих примирение с застойной и затхлою мещанской жизнью. В повести «Старый дом» Засодимский поднимается до сатирического обличения этих «темных сил». Он рисует самые различные типы мещан-чиновников и обывателей, едко высмеивает жильцов «старого дома», олицетворяющих пошлость и тупоумие, застой и примирение с жизнью грязной, мелкой, без надежд, без мечты, без большого счастья, проходящую в сытом покое, в мелких делиш-

ках и страстях. Эти «маленькие смешные лилипуты» живут в старой руине с позеленевшей крышей, с темными стенами и гнилым поваленным забором, с заплесневелым прудом во дворе. Они, как ракушки, облепили Василия Кремнева, полного молодых порывов, и потянули его на дно. Он недолго сопротивлялся канцелярским чинушам и мещанам, недолго противостоял матери, гнавшей его на службу, не понял, что его враг — «сама, плохо сложенная, жизнь с ее мелочно-узкими личными интересами». Кремнев испугался упорной борьбы с нуждой, яд старой жизни разлагал его силы и веру, лилипутики-мещане одолели его. «Старый дом», этот символ торжества «темных сил», все крепче и крепче засасывал Кремнева. «Старый дом» гостеприимно принимает всех, «задумчиво, как бы в недоумении, смотрит он своими тусклыми, грязными, разноцветными окнами на пустую улицу».

4.

Уже в шестидесятые годы, по словам Чернышевского, «единственным предметом всех мыслей, всех разговоров», был крестьянский вопрос. С большой силой этот же вопрос продолжал волновать общественную мысль России в последующие десятилетия, в те годы, когда Засодимский уже активно выступал в литературе. Первый свой роман «Хроника села Смурина» (1874), напечатанный в органе русской революционной демократии — «Отечественных записках», писатель посвятил изображению пореформенной деревни, судеб русского крестьянства тех лет.

В условиях глубокого кризиса феодального строя царское правительство, сильно ослабленное в Крымской войне 1853—1856 годов, напуганное возраставшими крестьянскими «бунтами» и боявшееся освобождения «снизу», вынуждено было пойти на отмену крепостного права. Пресловутая «крестьянская реформа» 1861 года была половинчатой, крепостнической, буржуазной по своему характеру. «Освобождаясь» из-под власти помещика-крепостника, крестьянин попадал под власть денег, оказывался в полной зависимости от капитала, бурно нарождавшегося тогда в России. «Пресловутое «освобождение», — писал В. И. Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними¹⁾. «Эпоха реформ» 60-х годов ничего не изменила в жизни и положении крестьянина, оставила его «нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»²⁾.

О том, как жилось «освобожденным» крестьянам, обречен-

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 94—95.

²⁾ Там же, стр. 95.

ным, по словам В. И. Ленина, «на тысячи худших и горших мучений» рассказывал наряду с другими писателями-современниками и Засодимский в своих романах и повестях, в своей «Хронике села Смурина». С большой любовью и сочувствием рисовал он образы обездоленных крестьян-тружеников.

«Хроника села Смурина» — это хроника нищеты и горя, темноты и забитости деревенского человека. В ней правдиво изображена пореформенная деревня, остро поставлены «проклятые» вопросы современности.

Обремененный семьей тихий и смиренный, приниженный и запуганный крестьянин Василий Кряжев, попадая в зависимость к мироеду Прокудову, в воловьем труде напрягает свои силы. Но не выбиться ему из нужды, не погасить недоимки, несчастье за несчастьем приходит в его дом.

«Потрясающую картину глубокой насущной скорби представляла теперь эта несчастная семья, — пишет Засодимский. — Она лишилась своей последней коровы-кормилицы... Что теперь, кроме квасу с луком, станут они хлебать в скоромные дни? На чем они в праздники будут печь овсяные рогульки? Чем замаслят они себе кашницу? Что без удобрения вырастит им поле?»

Автор «Хроники» не склонен однако идеализировать крестьянина. Он сознает сложность самого процесса переделки крестьянской психологии, не только видит, но и показывает пассивность, разобщенность крестьян, темноту их сознания, мешавшую правильно понять свое истинное положение. Освобождаясь от рабства крепостника-помещика, крестьяне попадали в кабалу к тому же помещику и к тем, кто приходил ему на смену. «Прямо сказать, вышло как-то так, — пишет Засодимский, — что крестьяне, переставши быть графскими, очутились чирковскими... Дали им было волю..., а ночью, тайком прокрался к ним Кузьма Иванович, сцапал у них волю, зажал в свой кулачище, да и был таков. От воли и живого духу не осталось».

Крупного землевладельца, хищника-купца Кузьму Ивановича Чиркова писатель называет «героем нашего времени». Этот «новый герой» с почтенной бородкой и бычьим затылком живо прибирал к своим рукам земли разорявшихся помещиков, скупал крестьянский хлеб на корню и в зернах, тысячами пудов сплавлял его, заставляя работать на себя весь уезд. Все крепче завязывал Чирков мертвый узел на шее крестьян, все чаще поглядывал заплывшими глазками на образа и рассуждал о кротости и смирении. Его хутора и поселки, как грибы после дождя, росли по всему уезду. «Много за последние годы повросло на Руси, — пишет Засодимский, — таких поселочков, обнесенных частоколом, словно крепостной стеной, как поселочек почтенного Кузьмы Ивановича. Теплятся в них большущие лампадки и озаряются их красноватым сиянием тяжелые серебрянные оклады образов и чуть ли не пудовые восковые свечи зажигаются перед ними в праздники. И на железных сундуках, втихомолку потряхивая

мошной, сидят в этих поселочках толстые, бородатые люди, — новые люди, жирные и кровожадные, как клопы...».

Засодимский видел, как местное кулачье, словно «стая жадной мелюзги облепила добычу», долта обирает крестьян. «Хроника» отгрызается выразительным сатирическим портретом смуринского богача Григория Прокудова. Писатель застаёт кулака в то время, когда он разглядывает в пузатом самоваре свою расплывшуюся, приплюснутую физиономию: «Невозмутимое спокойствие и довольство отражалось в ту пору на этой жирной, красной роже, из которой, казалось при малейшем давлении, сало так и готово было брызнуть». Рисует Засодимский Прокудова и в то время, когда тот занимается любимым делом — подсчетом барышей, поглаживая «себе брюшко с таким видом, как будто бы он один за раз проглотил весь дневной запас пищи, потребной для прокормления всего Смурин».

Крепко держал Прокудов в своих цепях смуринских крестьян, туго набивал он свои карманы, пользуясь людской нуждою бессовестно обсчитывала и обирал бедняков на каждом шагу, и совесть его не признавала неудобств упреков. Не упускал случая нажиться и его зять Антон Кудряшев, владелец питейных заведений, мрачно взиравший на мир «неподвижными выцветшими глазками». По всему уезду рассовал он свои кабаки, его целовальники проникали в самые глухие углы, спаивали крестьянский люд на всех дорогах, больших и малых.

Иным путем, патриархальным способом, обирал крестьян кулак старого закала Андрей Беспалый. Копил и скряжничал он всю жизнь, с неохотой пускал деньги в оборот, хранил их под полом да так и обезумел от жадности, когда деньги мыши сгрызли. С тех пор не может видеть он мышей, а завидев, «весь затрясется, задрожит и дышит так тяжело, как будто бы с версту бегом пробежал, глаза дико выкатываются из орбит и следят за серою тенью, а седая голова все наклоняется и наклоняется вперед...».

Но хитрее Лисина не было кулака в Смурине: «Его серые глазки так и бегали, так и метались туда и сюда, как загнанные мыши... Мягкая улыбочка мелькала на его тонких губах и, словно, молвить хотела: «мы себе на уме». Кошачьей походкой, то-и-дело озираясь по сторонам, ходил он, ловко заигрывая с крестьянами, «редко выпускал когти, но всегда почти добивался своего». Не брезгуя никакими средствами, Лисин втирается в доверие к крестьянам. В кузнечной артели, устроенной смуринцами, он видит хорошую добычу и прибирает ее к своим рукам. Лисин — не простой хищник, он ловко рядится в овечью шкуру, прикрывает свое волчье намеренье лисьими повадками. Не желая отстать от времени, он готов прослыть «либералом» и тут же приспособиться к новым способам ограбления мужика.

Как бы ни были различны эти способы и приемы обогащения, они объединяют смуринских мироедов в единых стремлениях. На их стороне и мировой посредник и поп, волостной старшина и

становой, кабатчики и писаря. Представители растущего капитала, «чумазые», как их выразительно называл Щедрин, все прочнее смыкаются с правительством, безнаказанно эксплуатируют крестьян, устраниают с дороги всякого, кто мешает вершить им грязные дела.

Под тесовыми и железными крышами, за высокими заборами, обособившись от смуринцев, живут кулаки-миroeды на берегу Вожицы — в Закручье. Не в их дома приходит горе, не на их плечи падает бремя податей. За то в их амбары ссыпают крестьяне последние меры овса и хлеба, в их кабаки несут свои лохмотья. «Грозен и немилостив закручевский бог! Он последний сарайшко раскатит, последнюю овцу со двора сведет, последний тулуп с плеч стащит...».

Засодимский хорошо видел не только рост «чумазных» за счет обнищания крестьян. Писатель показывает, как капиталистические отношения пагубно влияют на крестьянство, несут с собой обман и ложь, пьянство и разврат. «И старики правду говорят, что ныне в смуринской стороне пошло такое распутство, какого они не запомнят, какого даже при барах не бывало. Отцы обирают, а сынки на те же деньги наложниц себе покупают».

В отличие от либеральных народников Засодимский понимал, что в условиях крепостнического режима никакими частными «дозволенными» правительством средствами не изменить положения народа. Писатель с иронией относится к земским либеральным «деятелям».

В сером, низеньком, словно приплюснутом, домике под вывеской «Земская управа» вяло отбывают свои сессии черешинские земцы. Слушают они томительно длинные, нудные отчеты и доклады, ведут пустопорожние разговоры, обнаруживая свое бессилие и неспособность защитить интересы народа и, ничего не сделав, разбредаются по домам. «Черешинское земство до сих пор не слишком отличалось деятельностью, — пишет Засодимский. — Сначала, правда, благих намерений очутилось вдруг так много, что ими можно бы было вымостить весь дантовский ад, и дело стало лишь за деньгами. В настоящую же пору, когда увлечение прошло своим путем, Черешинское земство, как говорится, ни богу свечка, ни чорту огарок, действует бесследно и таким таинственным образом, как будто бы оно приведение».

Беспочвенным либеральным «деятелем» изображен в романе Вальд. Этот сонливый, уставший «аристократ» с вялыми движениями и ленивой походкой выдает себя за «радетеля» о «народном благе». Мутит его «артельный бес», кажется ему, что крестьяне будут блаженствовать в райских общинах. Но сам он вряд ли серьезно верит в свои слова, весь его вид как бы говорил: «Уйдите от меня, пожалуйста! Оставьте меня в покое!».

Рисует Засодимский и образ «доброй барыни» Лизаветы Петровны Водяниной, полной либерально народнических иллюзий. Вначале она, кажется, искренне хочет помочь крестьянам, посвя-

тить им свою нескладную жизнь. Ее белая барская рука протягивает руку помощи ссудо-сберегательному товариществу. Участвует Водянина и в организации смуринской школы, и в открытии общественной лавки. Но она скоро осознает свою беспомощность, все чаще «барыня о чем-то грустила, сидела задумавшись» и все менее интересовалась крестьянскими делами. Даже Дмитрий Кряжев, вначале идеализировавший «добрую барыню», убедился в неспособности ее отдать свои силы народу.

В центре «Хроники» стоит образ «крестьянского радателя» Дмитрия Кряжева, выдвинутого народом из своей среды. Засодимский симпатизирует этому смелому, бывалому человеку, вступающему в борьбу с кулачеством за интересы смуринских крестьян. Дмитрий Кряжев «духом был горд и самостоятелен». Обогащаясь знаниями, он до многого доходит своим умом, все глубже начинает понимать истинное положение крестьян, знает и ценит народ лучше, чем «многие ученые, специально посвятившие себя разработке вопроса об улучшении быта сельского населения».

Сохраняя чувство человеческого достоинства, Дмитрий Кряжев отдает все свои силы односельчанам, стремится вырвать их из-под зависимости богатеев-закручьевцев. Мечта о лучшей жизни никогда не покидала его. Преодолевая звериное кулацкое сопротивление, вступая в открытую борьбу с мироедами, Кряжев горячо участвует в организации ссудо-сберегательного товарищества, в открытии школы и общественной лавки, в создании кузнечной артели. На всем этом пути он испытал горечь поражения. Но Кряжев не унывал, не опускал руки, продолжал верить, что не всегда будет праздник на улице закучьевцев, придет он и к крестьянам.

Попытка Дмитрия Кряжева вести борьбу с мироедами народническими средствами оказалась несостоятельной. Кулаки перестали враждовать с крестьянской кассой, охотно записывались в нее и брали деньги для своих сделок, бедным же касса выдавала средства скупно. Общественная лавка оказалась не в состоянии тягаться с закучьевскими магазинами, «чуть ли не торговавшими даже птичьим молоком». В кузнечную артель проник кулак Лисин и завладел ею. Закрыли в Смурине и школу.

Всем содержанием «Хроники села Смурин» Засодимский утверждал бесплодность попыток либеральных народников улучшить крестьянскую жизнь «дозволенными» средствами, организацией товариществ и общинных артелей. К этой же мысли писатель приводит и своего героя Дмитрия Кряжева, переживающего горечь поражения, испытывающего разочарование от того, что лучшие годы его жизни ушли попусту, ничего не изменив в положении родных ему смуринцев. Кряжев сознает, что «одной кассой, лавкой, а либо артелью тут горю не помочь! Бери выше, хватай глубже!», он видит, что людям попрженему «жить тесно, душно», но не знает еще путей борьбы. Как слепой, бродит Кряжев по нехоженным дорогам. Покидает он родную деревню, свой

дом и уходит в город.

Народническая критика далеко не восторженно встретила «Хронику села Смурина». Идеализируя стихийного бунтаря Аргушку, выдвигая в качестве положительного героя «добрую бариню» Водянину, она пыталась приглушить смысл исканий Дмитрия Кряжева. М. Протопопов, например, опубликовал на страницах «Русского богатства» фельетон, в котором издевался над размышлениями Кряжева о том, что нужно идти другим путем, «братъ выше, хватать глубже».

На следующих этапах своего творчества Засодимский оставался верным правдивому изображению жизни. Судьбы русской деревни продолжали волновать писателя. Этой теме он посвятил наиболее крупные свои произведения, романы «Степные тайны» (1880), «По градам и весям» (1885), «Грех» (1893). Идейный распад народничества в 80-е годы Засодимский переживал тяжело и болезненно. В повести «Песня спета» (1888) он с горечью рассказывал о том, как пагубно действует на опустившегося писателя Пестерева тупое равнодушие к вопросам общественной жизни, отказ от служения народу, боязнь за «свою шкуру».

На последнем этапе своего творчества в 90-е годы Засодимский продолжал клеймить бездеятельных дворян, ноющих интеллигентов, предпринимателей-хищников, в конце разорвавших деревню. Но противопоставляя им образы трудящихся людей, писатель начинает идеализировать патриархальную жизнь крестьянства, рисовать, по словам Горького, кроткого мужика, «чрезвычайно похожего по свойствам психики своей... на мужиков Толстого, Тургенева...».

Засодимский так и не увидел революционной силы пролетариата, способного сокрушить ненавистный царский строй и уже вступившего на путь борьбы. Однако М. Горький справедливо считал, что Засодимский никак не укладывается в рамки народничества, хотя его и принято считать «чистым народником». Засодимский смело вскрывал социальные противоречия современной ему действительности, решительно осуждал рабское терпение и смирение с жизнью, мучительно искал лучших путей к счастливой доле народа, искренне верил в то, что «заря пленительного счастья» взойдет над его Родиной.

Последние годы своей жизни писатель провел в Петербурге, а в 1908 году покинул столицу и поселился в Новгородской губернии, отдавая все свои силы работе над воспоминаниями и детскими рассказами («Задушевные рассказы», «Бывальщины и сказки», «Дедушкины рассказы и сказки»).

«Люблю я север, — говорил как-то писатель на склоне своих лет, — люблю широкие быстрые реки, его дремучие леса, зимы... Помните:

Снег и снег, все один вечно девственный снег,
Да узоры лиловые скованных рек,
Да сосновые темные боры...».

Засодимский еще мечтал уехать на родину, в Вологодскую губернию. Но этой мечте уже не суждено было осуществиться. 4 мая 1912 года Засодимский умер в селе Жадины, Опочецкого уезда, Новгородской губернии. На другой день на страницах большевистской «Правды» появилась небольшая заметка:

«Вчера скончался известный писатель-народник П. В. Засодимский».

Покойный является последним из славного кружка русских беллетристов, где он работал наряду с Глебом Успенским, Златовратским и другими.

Широкою литературную известность П. В. Засодимский приобрел своею «Хроникой села Смурина», печатавшейся в «Отечественных записках»¹⁾.

П. В. Засодимский прожил жизнь, полную лишений и нужды. Чуткий и восприимчивый к страданиям народа, он отдавал ему все свои силы и знания. По словам одного из современников, Засодимский «любил народ, страдал его болями». «Человек, живущий для себя, — говорил он, — никогда не может чувствовать себя удовлетворенным. Только в борьбе за общечеловеческое дело можно найти счастье». Этой борьбе за народное дело Засодимский был верен до конца своей жизни.

Виктор ГУРА.

¹⁾ «Доктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М., Гослитиздат, 1937, стр. 135.